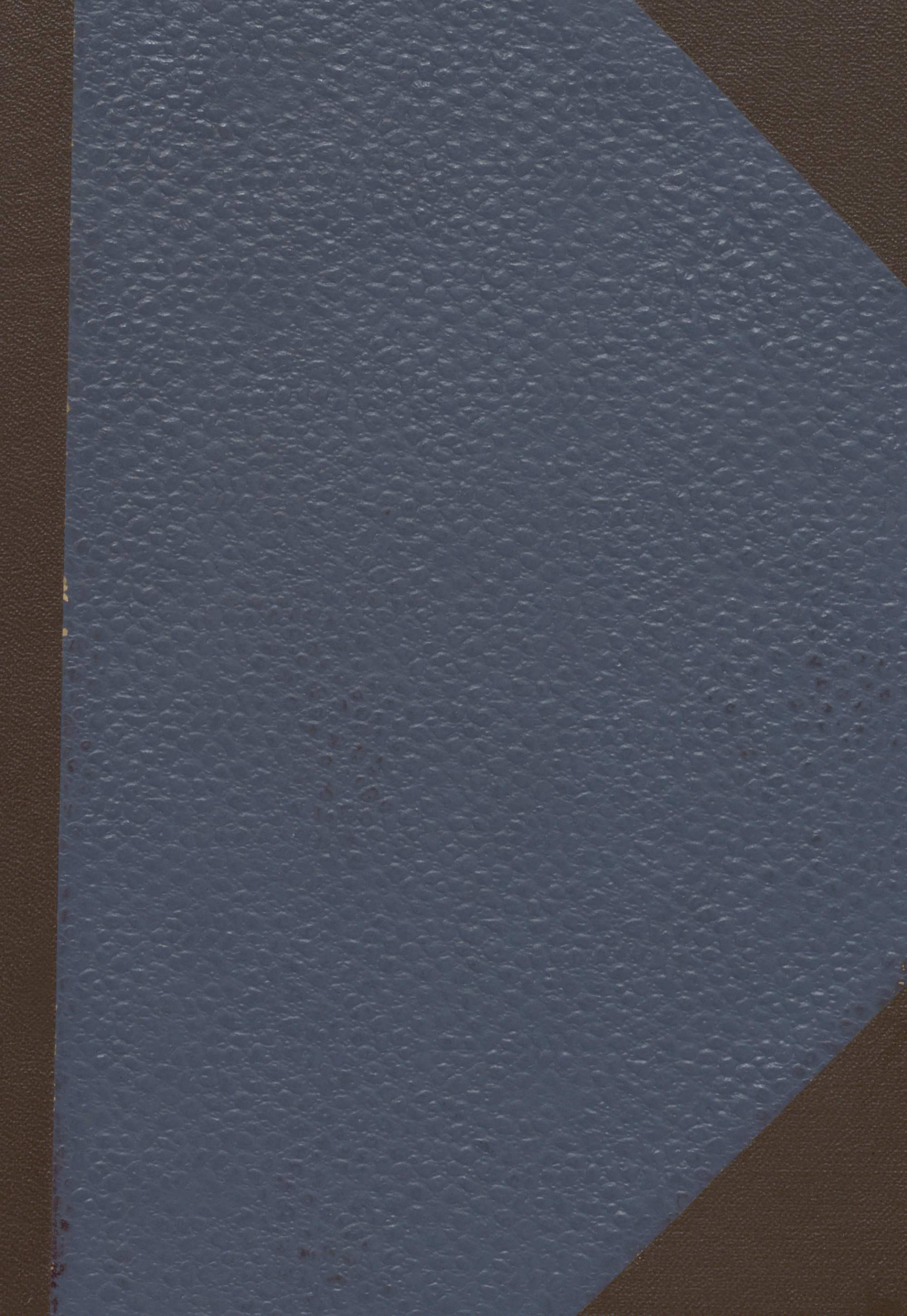


СЛОВА

ГОВОРЕННЫЯ ВЪ БОЛЬШОЙ ПРИДВОРНОЙ ЦЕРКВИ, ЧТО ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ,

Казанскимъ Спасопреображенскимъ

Архимандритомъ

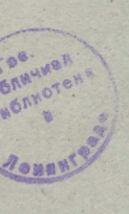
Гедеономъ.

Въ бытность его на чредѣ
въ Санктпетербургѣ
1786.

ВЪ МОСКВѢ,

въ типографiи С. Пономарева, 1787 года.

Печатано
съ указнаго дозволенія.



СЛОВО

Въ день рожденія ЕЯ Императорскаго Высочества МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Совершивъ подобающее всещедрому Богу благодареніе, что въ сей день благоизволися Его Святому промыслу положить начало событію желаній возлюбленныя его Помазанницы, и желаній всего любезнаго отечества нашего, что днесь угодно ему было произвесть на свѣтъ достойную Супругу Высокому Наслѣднику Всероссійскаго Престола, принесши за сіе всеблагое о насъ Божеское смотреніе достодолжную признательность, надлежитъ намъ помыслить, къ чему обязываетъ насъ бытіе наше; нѣтъ ли токого откровенія, даннаго смертнымъ, въ которомъ бы можно было ясно видѣть, на какой конецъ раждаемся; и откровеніе сіе должно быть для насъ закономъ, и закономъ совершеннымъ, закономъ, которой бы могъ насъ благополучными дѣлать.

Но благодаренїе Богу вседѣтелю! намъ отъ него данъ законъ таковый; мы имѣемъ его въ рукахъ нашихъ. Надобно токмо вникнуть въ оной, и потребно токмо прилѣпиться къ оному: *Приникїй же въ законъ совершенъ свободы, и пребывъ*, говоритъ С. Іаковъ, *сей не слышатель забытливъ бывъ, но творецъ дѣла сей блаженъ въ дѣланїи своемъ будетъ.*

С. Апостолъ пиша къ двунадесяти колѣномъ Израилевымъ, и упоминая, что исполненїе закона пренебрежено нѣкоторыми, даетъ сему причину ту, которой не примѣчали и сами нарушители, Причина въ самомъ дѣлѣ неудобопримѣтная. Мы обыкновенно слагаемъ все или на немощь нашу, или на невозможность нѣкоторую. Но Апостолъ не говоритъ ни о слабости силъ нашихъ, ни о случаяхъ препинающихъ насъ въ пути Евангельскомъ. Онъ могъ бы сказать законопреступникамъ Израелевымъ: „ Вы пристрастились къ мїру, вы „временное предпочитаете вѣчному, вы любите „славу паче отъ человѣкъ, нежели отъ Бога; вы „ или не довѣряете писанїю, или не внемлете оному; „ въ васъ утвердилась худая привычка, вы не имѣли „добраго воспитанїя, вы тѣ, кои развратились еще „съ самыхъ юныхъ лѣтъ вашихъ: но онъ все сїе „пропускаетъ и молчанїемъ проходитъ, а токмо „уподобляетъ ихъ мужу смотрящему лице бытїя

своего въ зерцалѣ, *иже усмотри себе и отъиде, и абїе забы, каковъ бѣ.* Сїя есть вина, для которой вы законъ пренебрегаете, что ученїе его забываете въ тужъ почти минуту. въ которую оное слуха вашего касается.

Такъ подлинно, очевидная справедливость словъ Апостольскихъ. Не возможно исполнить законъ тотъ, къ которому не обращаемъ и мыслей нашихъ, особливожъ, когда онъ требуетъ не случайнаго ученїя, не легкаго разсужденїя объ истиннахъ, которыя предлагаетъ. Ибо инако внушенїя его ни каковаго не могутъ имѣть впечатлѣнїя въ сардцѣ, а потому и ни каковаго втеченїя въ жизнь нашу.

Законъ Евангельскїй требуетъ глубокаго вникновенїя; ибо высочайшихъ исполненъ таинствъ. Къ уразумѣнїю его надлежитъ непрерывное прилагать тщанїе: ибо вся судьба наша заключена въ ономъ. И потому гласъ Евангельскїй неумолкно вопїетъ: *Испытайте Писанїя, яко вы мните имѣти въ нихъ животъ вѣчный.* Ибо что въ томъ, что мы почитаемъ законъ сей, когда не вѣдаемъ ни силы его ни разума? Какая намъ польза въ занонѣ, когда не знаемъ, какъ поступать по оному, и какъ располагашь нашею жизнїю?

И такъ чтобъ найтись во состоянїи соблюдать оной, то належитъ намъ необходимая нужда, имѣть въ ономъ всегдашнее упражненїе, особливо, что поучаясь и углубляясь въ немъ, не льзя не ощущать наисильнѣйшихъ побужденїй влекущихъ насъ къ исполненїю: *Приникїй же въ законъ совершенъ свободы, сей неслышатель забытливъ бывъ, но творецъ дѣла.* По сему не безъ причины просїявшїе мужи святостїю денно и нощно поучались въ ономъ. Они дознали, и дознали самымъ искусомъ, что утверждающїй себя словомъ Господнимъ ни управляется предразсужденїями, ни взираетъ на обыкновенїя и нравы, ни сообразуется мїру, ни раболѣпствуетъ страстямъ своимъ, во всемъ свободенъ, и выну уготованъ на подвигъ.

А чтобъ кто не помыслилъ, что предаясь, власти закона, и подвергая себя онаго правиламъ, тѣмъ самимъ уже мы тѣряемъ свободу свою, и попадаемъ въ рабство нѣкоторое, чтобъ кто сего не помыслилъ, то Апостолъ говаря: *Приникїй же въ законъ совершенъ*, нарочно придаетъ, *свободы.* Ибо сїя не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, къ чемубъ ни повлекла насъ безразсудная воля. Нѣтъ, свободенъ тотъ, кто никаковыхъ не находитъ для себя препятствїй, когда *прилежитъ* ему, да скажу съ Павломъ, *еже*

содѣяти доброе. А законъ Евангельскій и есть таковъ, которой всѣ отъемлетъ препоны, расточая недоумѣніе, разгоняя мракъ сомнѣній, утверждая колеблющіяся мысли, разрѣшая неудобства, обуздовая склонности, и благими воздаяніями ободряя. И внемлющій оному ни соблажняется худыми примѣрами, ни прельщается суетными міра сего увеселеніями, весь устремленъ ко благу, которое ему законъ обѣщеваетъ.

И сей, говоритъ Апостолъ, *блаженъ въ дѣланіи своемъ будетъ.* Ибо таковый слѣдуетъ во всемъ совѣту закона; и по тому честь, слава, хвала, любовь, все ему въ жертву приноситтся, и десница Господня всѣ начинанія ево благимъ увѣнчеваетъ успѣхомъ. Провидѣніе Божіе, яко зѣницу ока, хранитъ своихъ возлюбленныхъ; и по тому возстающія противности не возмутятъ спокойствія души его. Житіе его непорочное, и совѣсть незазорная; а по тому счастіе и злополучіе, высота и уничиженіе, скудость и изобиліе, бѣды и благоденствіе, все ему споспѣшествуетъ во благое. Уничиженъ онъ своимъ жребіемъ: но великъ во мнѣніи человѣческомъ, и имя его многочисленными прославляется устнами. Возвеличенъ закона презритель: но ему все предвѣщаетъ паденіе, все грозитъ низверженіемъ. Понеже не устроенъ во всѣхъ путѣхъ своихъ, все творитъ превратно, нѣтъ у него ничему постоянныхъ правилъ. Когдажъ мы видимъ до-

бродѣтель на высоту возведенную, то какъ бы приемлемъ участїе въ таковой поремѣнѣ, мы соуслаждаемся сей вождѣленной участи. Понеже дѣла приверженнаго къ закону всѣ благонамѣренны, и честность его безъ притворства и лицемѣрїя. Онъ преданъ благу общественному не менѣе, какъ и закону самому. Напротивъ нечествующїй имѣетъ въ виду своемъ токмо корысть собственную. Благочествующїй *не ищетъ свояси*, по слову Апостола; у того отъими награду, и вся ревность изчезнетъ, и будетъ смятенїя исполненъ. Лиши наградъ и благочестиваго; онъ тоюже идетъ стезею; таже въ немъ вѣрность, тѣже нравы, тожъ поведенїе. Ибо основанїемъ правоты его и благонамѣренїй не внѣшнїя отличности, не выгоды житейскїя, но любовь, которою уязвленъ онъ къ закону Божескому. Все удовольствїе и все его возмездїе въ томъ, что онъ хранитъ законъ ненарушимо. Пускай противники обносятъ добродѣтель его: но прочее множество, таковою страстїю не подстрѣкаемо будучи, не преминетъ отдать ему справедливость.

По сему для чегобъ нечестивый нечествовалъ и презиралъ правила вѣры? Для того ли, чтобъ имѣть ему множайшїе пути къ благополучїю? Но что значатъ исканїя его заступленїй, защищенїй и покровительствъ? Не то ли, что

путь его неудобный къ счастїю, или что сїе ежеминутно подвержено опасности? Для чегожъ бы презиралъ правила вѣры? Для того ли, дабы ничто не нарушало мнимыхъ его веселостей? Но напрасно избѣгаетъ онъ страха Господня; ибо не избѣжитъ. Тщетно уповаетъ, чтобъ удовольствїя его горестїю не окончались. Итакъ для чегожъ презираетъ онъ правила вѣры? Для того ли, что благочестїе во всемъ дѣлаетъ ему препону? Но онъ не видитъ, сколь спасительны внушенїя и наставленїя закона. Презорствуя къ сему ничего онъ вящшаго не приобрѣтаетъ, кромѣ что душа его волненїя и смятенїй бываетъ исполнена.

И поистиннѣ, удивляться надобно, изъ какогобъ то произтекало источника, что хотя жизнь учреждаемая позакону приноситъ намъ несказанныя выгоды, однако при всемъ томъ въ дѣлѣ благочестїя усматривается иногда лѣность и холодность. Ибо предположивъ, что человѣкъ есть творенїе разумное, надлежалобъ заключить, что онъ все дѣлаетъ съ истинными пользами своими согласное, и что ищетъ совершеннаго блага тамъ, гдѣ найти его можно. Но пропадаетъ наше удивленїе. Беззаконїе есть буйство и беззаконнующїе безумїя исполнены. Сїе опытъ намъ доказываетъ. Они хотятъ быть благополучны

ми, но въ чемъ полагаютъ благополучїе? Въ томъ ли, чтобъ привлечь на себя благоволенїе и милость отъ вышняго, въ десницѣ коего и самое бытїе ихъ. Нѣтъ! одинъ поставляетъ свое благополучїе въ новыхъ повсядневно приобрѣтенїяхъ, и въ семъ ненасытномъ своемъ желанїи говоритъ: „вотъ я скоро наиблагополучнѣйшимъ себя увижу. Другїй ищетъ блага въ удоволствїяхъ чувственныхъ. Иной считаетъ себя наисчастливѣйшимъ, достигнувъ возвышенїя нѣкоего. Но по прошествїи нѣкотораго времени, что для нихъ открывается? Они усматриваютъ, что всѣ употребленныя ими усилїя, всѣ труды, всѣ средства уже не дѣйствительны болѣе. И они паки настоящимъ своимъ состоянїемъ находятъ себя недовольными, паки духъ ихъ безпокоенъ, паки желанїя сердца не удовольствованы.

И такъ видя, что удаляться отъ закона, и отметать страхъ Господень, есть сопротивляться истиннымъ нашимъ пользамъ, и воображая что естлибъ Создавый насъ далъ намъ законъ не съ тѣмъ, чтобъ онъ хотѣлъ чрезъ оной руководствовать къ совершенному нѣкоему блаженству, то учинилъ бы онъ нѣчто вотще и понапрасну; а какъ сего дѣлать непристойно существу толикому, такъ мы повинемся его повелѣнїямъ, покоримъ ему сердца наши, сохранимъ

благочестїе, яко неоцѣненное нѣкое сокровище, и сокровища удостоимся, которое въ вѣчности уготовано. Да исполнится на насъ сїе Апостольское изреченїе: *Приникїй же въ законъ совершенъ свободы и пребывъ, сей неслышатель забытливъ бывъ, но творецъ дѣла. Сей блаженъ въ дѣланїи своемъ будетъ.*

Истинна сихъ словъ Апостольскихъ свидѣтельствуется самымъ предержавствованїемъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Превознесенно оно и препрославленно; но сїе мы восписуемъ силѣ единыя вѣры, которою жертвуетъ Она Спасителю мїра. Благоговѣнїе ЕЯ къ его Евангелїю и повиновенїе закону его привлекаетъ на скипетръ ЕЯ толикїя благословенїя небесныя.

Содержай концы вселенныя и утверждаяй царства земныя, при излїянїи на ВСЕАВГУСТѢЙШЕЙ Домъ Великїя нашея Самодержицы изобильныхъ и неизреченныхъ щедротъ своихъ, да умножитъ и дни живота ЕЯ, да сохранитъ здравїе Высокаго ЕЯ наслѣдника, и Виновницы настоящаго торжества нашего, и да будутъ выну простерты очи его на благодатныхъ чадъ ихъ.

Аминь.

СЛОВО

Въ день Андрея Первозваннаго.

Честь и слава и миръ всякому дѣлающему благое.

Къ Рим. гл. 2. ст. 10.

Естьлибъ мы прославляя памятъ одного изъ Апостоловъ, которой первый призванъ былъ благовѣстить миръ вселенной, усумнились хотя мало почтить общекупнымъ празднованіемъ и заслуги первенствующихъ нашихъ Героевъ: то другій Апостолъ великоименитый Павелъ таковымъ огласилъ бы насъ словомъ: *Честь и слава и миръ всякому дѣлающему благое.* „ Вы простираете взоръ вашъ въ то отдаленное время, въ „ которое мы для насажденія вѣры полагали наши „ подвиги, и оныя запечатлѣли нашею кровію: но и „ въ настоящемъ вашемъ времени имѣете Героевъ, „ которыхъ достойно ублажить вамъ похвалами и „ воздать имъ честь и славу. Нами подъятые „ труды и претерпѣнныя многочисленныя смерти „ можетъ быть, казались бы вамъ менѣе вѣроятны:

„ естьлибъ вы посредѣ васъ самихъ не зрѣли му-
„ жей, которые также въ пользу вѣры жертву-
„ ютъ жизнїю. Воздадите имъ должная, и почти-
„ те преимущественнѣйшихъ по преимуществу. „

Но сїе Апостольское велѣнїе самымъ дѣломъ исполняетъ днесь возлюбленное наше отечество. Оно совершая память Апостола купно посвящаетъ день сей и въ честь отличнѣйшихъ своихъ подвижниковъ, и прославляетъ ихъ съ наиприятнѣйшимъ для себя удовольствїемъ; ибо видитъ, что питаетъ оно въ нѣдрахъ своихъ Героевъ, въ которыхъ не недостаетъ ни мужества, ни искуства, ни ревности; но и не по сему только съ удовольствїемъ наиприятнѣйшимъ прославляетъ торжественно заслуги ихъ, но наипаче потому, что таковое заповѣданїе оставилъ тотъ, кому оно доселѣ никаковыми жертвами не можетъ изъявить своея благодарности, Великїй, говорю, ПЕТРЪ, сей Герой, которому свѣтъ никогда не престанетъ чудиться, сей намъ далъ завѣтъ таковый, яко дражайшїй нѣкїй залогъ любви своей къ отечеству, сказавъ намъ какъ бы такъ: Для
„ меня на земли не можетъ быти большаго возмез-
„ дїя, какъ естьли потомки чрезъ сїю самую по-
„ честь, которую я утвердилъ на вѣки, узнаютъ,
„ какъ высоко цѣнилъ я тѣ услуги, которыя воз-
„ вышаютъ силу и славу отечества. „

Теперь обратимся паки къ словамъ Апостольскимъ: *Честь и слава и миръ всякому дѣлающему благое.*

Честь и слава суть то, къ чему наиболѣе человѣческія устремляются желанія, Но сіи лестныя блага не рѣдко въ ложныя и мнимыя превращаются, когда поведеніе не соотвѣтсвуютъ восприятому о насъ мнѣнію, когда жизнь не согласна съ даннымъ отличіемъ, когда званіе проходимъ съ небреженіемъ, и оно служитъ токмо къ тому, чтобъ одними произтекающими отъ него выгодами наслаждаться. Сіе званіеносцу не дѣлаетъ ни малѣйшей чести. Ибо сія по словамъ Апостольскимъ принадлежитъ *благое дѣлающему.*

А что онъ говоритъ, *всякому благое дѣлающему*, то изъ сего видно, что честь не на одной высотѣ поставляетъ онъ, а почитаетъ ее благомъ общимъ, ма которое имѣетъ право каждый добродѣтельный, и оно по его мнѣнію не состоитъ въ однихъ наружныхъ преимуществахъ. Ибо все то, что можетъ быть общее добрымъ и злымъ, не дѣлаетъ насъ истинно достопочтенными. Но что мы произносимъ изъ сокровища душевнаго, то потому объ насъ судить надлежитъ. Наши добрыя намѣренія, наши достохвальныя дѣла, наши добродѣтели, наши благородныя чувствованія, и са-

моличныя качества, внутрь насъ обрѣтающїяся приобрѣтаютъ намъ то, что мы разумѣемъ подъ именемъ чести и славы. И положимъ, что все сїе иногда презрѣнїемъ и уничиженїемъ сопровождается, пускай сїе будетъ истинна: но не менѣе и то истинна, что естли кому обязаны мы воздаянїемъ чести, естли кто долженъ быть предметомъ нашего уваженїя, то сїи суть тѣ, которые отличили себя доброполезными дѣлами, которые со тщанїемъ и ревностїю послужили отечеству, благу ближняго, а паче славѣ создавшаго мїръ сей. Когдажъ о семъ нѣтъ ни каковаго попеченїя; то высота безславна, и благородное происхожденїе тщетнымъ пребудетъ именемъ. Ибо не похвалъ, но слезъ достоино, когда кто столь несчастливъ, что хотя самая природа увѣщеваетъ, хотя внушаетъ самая любовь къ собственнымъ предкамъ, хотя примѣръ домашнїй предъ очами, однако къ благознаменитымъ подвигамъ и къ достохвалнымъ добродѣтелямъ не восхищается ревностїю. И отечество хотя еще и сохраняетъ къ таковымъ почтенїе; но сїе есть одна благодарность, которую считаетъ оно себя обязаннымъ воздавать ихъ предкамъ и какъ будто продолжаетъ уплату того долгу, котораго не могло оно оплатить имъ совершенно, и по сей причинѣ тщится воздать оной хотя потомкахъ ихъ, имѣя при томъ и то намѣ-

ренїе, чтобъ оказанныя ему услуги предая безсмертїю тѣмъ самимъ побудить другихъ наиревностнѣйше жертвовать его пользамъ.

Но кто паче долженъ побужденъ быть сею благодарностїю отечества, кто, естли не тотъ, на комъ изъявляется оная? Кто болѣе обязанъ ко всему достохвальному, кто, естли не тотъ, кого самая природа къ тому расположила? Или и безъ добродѣтелей честь и славу имѣти возможно? Но какую честь? Ту ли, которая однимъ титламъ бываетъ воздаваема? Какую славу? Ту ли? которая пронесетъ одни слабости и пороки. А и похвалы намъ douписуемыя что иногда суть, какъ не лесть и обманъ? Ибо лукавнующая хитрость человѣческая даже уже столь странное воспрїяла свойство, что часто происходятъ похвалы не отъ того, чтобъ удивлялись достоинствамъ и одобряли поступки, но для того, чтобъ похваляемые оставались въ жалкомъ о себѣ самихъ невѣдѣнїи. О коль сокровенъ, и коль иногда таинъ судъ члеовѣческїй!

Но кто течетъ путемъ добродѣтели, тотъ не страшится онаго. Слава его можетъ произвесть завистниковъ, но добродѣтель заставитъ имѣть уваженїе къ славѣ его и отдать всю справедливость. Поведенїя его подвергнутся строгому и нелицемѣрному разбирательству: но добродѣтель

его представнетъ въ защищенїе и разженетъ всѣ неправедныя подозрѣнїя. Станутъ проникать даже въ самыя побужденїя блистательныхъ дѣлъ его; но найдутъ, что ихъ одушевляла одна любовь ко благу общему, что не по честолюбїю суетному и не по случаю токмо оныя были совершаемы. При таковомъ строгомъ судѣ не могутъ ни громкїя Героевъ побѣды прикрыть ни самыхъ малѣйшихъ ихъ пороковъ. Ибо дѣянїя похвальны, но совершитель оныхъ навлекъ на себя отъинуды поношенїе. Понеже мїръ, который кажется презирать добродѣтель, но между тѣмъ не почитаетъ и не уважаетъ ничего болѣе, какъ оную. Онъ воздвигаетъ имъ великолѣпные памятники, и оглушаетъ всю землю шумомъ похвалъ: но искренно не благоговѣетъ онъ, какъ токмо къ добродѣтелямъ единымъ. Одолжившїе насъ безконечно достойны безконечной нашей благодарности, и достойны, чтобъ мы потщились обезсмертить ихъ память. Ибо какъ ревность производитъ великихъ людей, такъ надлежитъ, чтобъ воздаянїя возбуждали ревность, и чтобъ знаменитыя содѣянности были спослѣдствуемы возмездїемъ. Но естьли при таковомъ случаѣ не достанетъ одной непорочности нравовъ, естьли жизнь окажется противною правиламъ добродѣтели: то всѣ усилїя нашего усердїя всуе будутъ.

Безъ добродѣтели тщетно мы притязуемъ право на честь и славу. Ибо то ли похвала наша, чтобъ не покорствовать закону создавшаго насъ, чтобъ пренебрегать конецъ бытiя своего, быть страстей рабомъ и невольникомъ, быть тягостнымъ обществу, похищать обманомъ или силою, яже суть ближняго, благоденствiю другаго дѣлать тайные подкопы, льстить устнами, въ сердцѣ носить зложелательство, попирать уничиженнаго, притѣснять немощнаго, не милосердствовать о бѣдности, не пещись о благосостоянiи подвластныхъ, власти покаряться за страхъ а не за совѣсть? Нѣтъ, не сiе похвала наша. Наша похвала то, чтобъ благоговѣть къ сотворшему, хранить во всякомъ страхѣ его повелѣнiя, не возноситься гордынею, не презирать убогаго, подать руку помощи ищущему защиты, чувствовать, что та любовь, которую къ соестественнымъ намъ вдохнула самая природа, еще обрѣтается въ нашей душѣ, и что мы сей божественный пламень еще не погасили, творить благостыню и посвятить всего себя правотѣ и истиннѣ. Вотъ честь, похвала, и слава твари одаренныя силою разума!

Чтожъ касается до того, что Апостолъ говоритъ *и миръ дѣлающему благое*, то о семъ каждаго самый искусъ удостовѣряетъ. Ибо какъ

скоро погрѣшаемъ въ чемъ либо, то въ совѣсти нашей происходитъ волненіе, духъ возмущается и сладчайшая тишина вдругъ въ нѣкое противное обуреваніе превращается. Когда же творимъ доброе, то какъ спокойны въ себѣ самихъ, такъ и отвнѣ безмятежны. Понеже нѣтъ ни скорбящаго отъ насъ, нѣтъ ни вопіющаго на насъ. Не страшимся поношеній, не ожидаемъ укоризнъ, не опасаемся обвиненій; ибо ни упустили нашей должности, ни преобидѣли ближняго, ни расточили безпорядочно имѣнія; словомъ сказать, отвсюду спокойны. Ежели же мысль С. Павла есть большею частію такова, что *благое творящему честь и слава и миръ* отъ Бога; то сего есть ли для насъ что достопріятнѣе? Пріобрѣсть честь у того, который небомъ и землею владычествуетъ, быть славиму предъ престоломъ величествія славы Господни, и имѣть миръ съ тѣмъ, въ десницѣ коего наше дыханіе, что сего можетъ быть вожделѣннѣе?

Убо да творимъ благое, да проходимъ свято наши званія, посвятимъ себя и отечеству и Богу, и воспріемлюще Монаршія почести, воспріимемъ и вѣнцы отъ руки вседержителя, и славы удостоимся некончаемыя.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ МОНАРХИНЯ!

Вѣщающій намъ чрезъ уста Павловы: *Честь и слава и миръ всякому дѣлающему благое*, въ наше о семъ наивящшее увѣреніе, а во оправданіе первоверховнаго своего Апостола, воздая матернимъ Вашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА о благосостояніи подданныхъ попеченіямъ, имя ВАШЕ сотворилъ быти славно во всей Селенной, а возлюбленное наше отечество оградилъ миромъ и тишиною. Убо благонадежни суще молимъ неисчерпаемую его благость, да подастъ ВАМЪ множайшую силу и крѣпость къ прохожденію толь многотруднаго ВАШЕГО званія, да продлитъ дражайшую жизнь ВАШУ, и да сохранитъ любезнѣйшее Наслѣдіе.

Аминь.

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

СЛОВО

на Новый 1787 годъ.

Блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри.
Къ Еф. гл. 5. ст. 15.

Вступивъ въ начало новаго лѣта прїяли мы новой залогъ благости Господней, и воспрїяли на себя новое обязательство, служити ему въ правотѣ и истиннѣ, пламенѣть нашею любовїю, исполнятися благоговѣнїя, и покаряться съ радостнымъ страхомъ благой и всепрóмыслительной его волѣ, чтобъ тѣмъ засвидѣтельствовать ему достодолжную нашу благодарность, не токмо за продолженїе бытїя нашего, но и за всѣ доселѣ излїянныя на насъ и изливаемыя его неисповѣдимыя милости. Ибо продолжаетъ онъ бытїе наше или для того, что мы не преогорчеваемъ его величествїя, но паче все творимъ благоугодное ему; или для того, чтобъ, естьли доднесь были мы дерзновенными

нарушителями его повелѣній, отнынѣ новое житіе начали благодатію и дѣйствіемъ всесвятаго Духа его. А впрочемъ нѣтъ другаго способа, которымъ бы могли засвидѣтельствовать, что мы не недостойная тварь божественныхъ даровъ его, что мы понимаемъ силу и важность оныхъ, мы чувствуемъ безконечную его къ намъ благость, признаемъ сіе и исповѣдуемъ, избыточествующе всеглубочайшимъ нашимъ благодареніемъ. И такъ хотя и всегда, но днесь, кажется, наипаче простираетъ къ намъ сей гласъ божественный Апостолъ: *Блюдите убо како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время.*

Слыша сей совѣтъ великаго вселенныя учителя надлежитъ со тщаніемъ помыслить, въ чемъ у насъ доселѣ препровождено драгое время. Безъ сомнѣнія, что въ попеченіяхъ житейскихъ: но мы имѣемъ данной намъ законъ, которому во всѣхъ нашихъ дѣяніяхъ должны сообразоваться. Пещись о житейскомъ не возбранно; понеже безъ того и наше бытіе не моглобъ быти продолжаемо: но надлежитъ взойти, попеченія сіи не сопротивны ли верховному благу нашему, попеченія сіи не преогорчеваютъ ли промыслъ всевышняго, и не отягощаютъ ли совѣсти нашей, попеченія сіи неправоты и законопреступленія не

исполнены ли; попеченія сіи не навлекаютъ ли на насъ праведнаго гнѣва Божескаго.

Естьлибъ наше бытіе оканчевалось съ сею жизнію, и часть наша положена была съ безсловесными, тогда уже какъ бы мы ни располагали временемъ, много сожалѣть о томъ довольной не имѣлибъ причины. Ибо мы провели его по нашему благоугожденію, препровели, какъ когда повелѣвалъ случай, и мы хотябъ и желали, но немогли иждить его съ большимъ удовольствіемъ, и о чемъ осталось раскаеваться? Оно прошло: но мы не были въ силахъ и удержать его. Оно протекло безъ утѣхъ желанныхъ: но тѣмъ легчае для насъ и сноснѣе лишеніе онаго. Находясь же въ чаяніи вѣчности, о времени потерянномъ, какой скорби, какому сѣтованію не должны отдать себя. Ибо не искупивъ онаго надобно наигорестнѣйшею учинить судьбу свою. И кажется, что сколько Духомъ С. столько и жалостію подвигнутый Апостолъ вопіетъ намъ: *Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри.*

Мы обыкновенно, вникая въ наши поведенія, и не обрѣтая ихъ достохвальными, чаемъ, что когда либо благое послѣдуетъ онымъ измѣненіе: но вмѣсто того, что между тѣмъ приключает-

ся? Утверждается худая привычка, и нравы получають пагубное ожестѣненїе нѣкое. И такъ чтобъ предупредить сїе, нѣтъ другаго средства, какъ внимать выну гласу разума и благодати, и изучиться мудрости Евангельской. Ибо полагать, что все съ лѣтами прейдетъ, есть скудная премудрость. Понеже напротивъ того возрастъ возрасту сообщаетъ склонности, и день дню отрыгаетъ дѣла наши. Симъ опредѣлять впредь лучшее положенїе, есть злохитрымъ образомъ прельщать себя и обманывать. Но усмотрѣвъ, что путїе наши стропотны и стези не правы, должны со всякою поспѣшностїю исправити пути наши, *искупующе время, яко днїе лукави суть.* Ибо почти изобразить трудно, съ каковымъ обманомъ и лестїю, съ каковымъ лукавствомъ каждый день приходитъ къ намъ. Настоящїй представляетъ, что онъ принесъ съ собою такїя намъ удовольствїя, которыхъ упустить акибы мы не должны были ни для какихъ причинъ законныхъ. И такъ послушанїе закону оставляемъ отъ одного дня къ другому. Слѣдующїй речетъ: дѣла, на которыя призываетъ васъ званїе, можете совершить и по отшествїи моемъ; а теперь!, когда не ощущаете въ себѣ охоты, отложите ваше попеченїе, толико безпокойное. Итакъ мало помалу начинаемъ любить праздность и нѣгу, и въ недугъ расслабленїя впадаемъ. За

симъ настаетъ день еще съ пагубнѣйшими внушенїями. „Я, вѣщаетъ, составляю токмо самую малѣйшую часть вашея жизни; естьлибъ что во мнѣ и учинено было противное вѣковъ зиждителю, оное еще удобно можетъ быть заглаждимо.“ И паки новый день открывается. Сей новыя разстилаетъ сѣти. Все, что можетъ изспровергуть нашу непорочность, все, что сильно поколебать нашу добродѣтель, и похитить отъ насъ сїе дражайшее сокровище, все то новый день представляетъ намъ яко на позорищѣ нѣкоемъ, и мы всюду зримъ соблазнъ, всюду претыканїе. О коль убо истинны и коль всякаго прїятїя достойны оныя предварительныя слова божественнаго Павла: *блюдите убо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри.*

Но иждивать время, какъ бы то ни было, и употреблять на все безъ разбору, время, котораго всегда имѣемъ не болѣе одной минуты, а прочее все еще ни мало не въ нашей власти, сходственно ли хотя сколько нибудь съ премудростїю. Вещь, которая для насъ столько же драгоцѣнна, какъ и самое бытїе наше, долженствуетъ ли быть расточаема съ толикимъ небреженїемъ? Нѣтъ, оную паче всего хранить надлежитъ. Но время, хотя и есть для насъ таковою вещїю, однако иногда менѣе всего бываетъ собрѣгаемо. Наши

благодѣянія для тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ намъ. Наша благая для присныхъ намъ. Наша довѣренность для дознанныхъ. Наши похвалы для тѣхъ, которые кажутся быть достойными оныхъ. Но время для всего изтощевается, а тѣмъ самимъ коль оно ни кратко, еще болѣе сокращается. Итакъ паки вопіетъ намъ Апостолъ: *блюдите убо, како опасно ходите не якоже не мудри, но якоже премудри.*

Мудрости главное правило то, чтобъ дѣлать все не съ мнимою, а съ существенною нашею пользою, и того конца, для котораго произведены, никогда не терять изъ виду. Но де обстоятельства коловратныя сея жизни таковы суть, что не льзя иногда не удалиться отъ того важнаго нашего предмета, для того что они несказанно насъ развлекаютъ, и наше спасительное намѣреніе, такъ сказать, поглощается въ разнообразномъ ихъ множествѣ. Развлекаютъ, поглощается. Такъ какимъ же образомъ другія наши намѣренія бываютъ тверды? Какимъ образомъ ничто ихъ ни испровергаетъ ни колеблетъ? Они на сильномъ желаніи основаны? Но кто премудръ, въ комъ обрѣтается благоразуміе, а паче въ комъ всесильная дѣйствуетъ благодать божія, тотъ можетъ ли желать чего болѣе, какъ блага, которое непрерывно, которое постоянно и совершенно, и которое неотъемлемо?

Итакъ естьли что доселѣ упущено нами для приобрѣтенія онаго, и мы малонадежны остаемся, то поспѣшимъ поправить чрезмѣрную нашу ошибку, и искупимъ время, обращая все оное какъ къ нашей собственной, такъ не менѣе и къ общественной пользѣ. Ибо Творецъ соединивъ всѣ прочія твари союзомъ взаимнаго ихъ между собою соотношенія, тѣмъ самимъ показалъ, чтобъ и мы подобно не свое токмо, но и общее благо имѣли всегда за предметъ себѣ. И на сей токмо конецъ праведно можемъ мы желать продолженія бытія нашего.

Но какое слово, и чей языкъ изобразить доволенъ, тѣ труды, тѣ попеченія неусыпныя, которыя ВСЕАВГУСТѢЙШАЯ Наша МОНАРХИНЯ, истинная Матерь отечества, прилагаетъ о созиданіи, о утвержденіи и о возвышеніи нашего благоденствія. Лѣта и дни благословеннаго ЕЯ державствованія въ чемъ истощеваются? Въ доставленіи намъ сладкаго покоя, въ огражденіи насъ миромъ и тишиною, и во умноженіи болѣе и болѣе блаженныхъ дней Россіи.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ МОНАРХИНЯ!

Вступая мы въ теченіе новаго лѣта пріемлемъ сей даръ благости Божіей тѣмъ съ боль-

шимъ для насъ удовольствїемъ, что мы надѣемся паки новыми наслаждаться ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА благодѣянїями, паки новыя вкушать плоды кроткаго ВАШЕГО и премудраго владычествїя. Творецъ вѣковъ и всея твари содѣтель соблюдая и продолжая для насъ неоцѣненную а Ему благоугодную жизнь ВАШУ да исполнитъ долготою дней, да оградитъ ненарушимымъ здравїемъ, и да сохранитъ дражайшее ВАШЕ наслѣдїе.

Аминь.